

РЕЗНОЙ КАМЕНЬ В РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ: ИСТОРИЯ ЯВЛЕНИЯ В ДВУХ КАРТАХ

Статья посвящена двум взаимосвязанным произведениям русских камнерезов, отмечающим существенные этапы в истории франко-русских и франко-советских отношений. Первое из них — карта Франции — было создано мастерами императорской Екатеринбургской гранильной фабрики в 1898–1900-х гг. и подарено Франции на открытии Всемирной выставки 1900 г. Выполненная на подъеме дружественных настроений, карта стала кульминацией потока каменных даров, отправленных на протяжении второй половины 1880-х — 1890-х во Францию. Выбор формы подарка, как и пристальное внимание монаршей семьи к его исполнению свидетельствовали об особой роли драгоценного дара. Новый виток взаимодействий, связанных с цветным камнем, пришелся на вторую половину 1930-х гг. и был связан с очередной Всемирной выставкой, прошедшей в Париже в 1937 г. Представленная на ней масштабная карта Индустриализации СССР (работа предприятия «Русские самоцветы») стала своего рода ответом подарку императора: скорость исполнения, размеры, количество использованных драгоценных материалов — все призвано было продемонстрировать эффективность советского государства. Обе карты были исполнены в качестве репрезентации состояния связей двух государств и имели не только художественное или историческое, но еще и политическое значение. Анализ особенностей политического заявления, выраженного в каждом из произведений, а также своеобразный диалог между ними резюмируют статью.

Ключевые слова: карта Франции; карта Индустриализации СССР; камнерезное искусство; императорская Екатеринбургская гранильная фабрика; Свердловский завод «Русские самоцветы».

Дипломатические отношения Российской империи и Франции на протяжении XIX столетия переживали и периоды острой конфронтации, и времена мирного сотрудничества. Многие важные события взаимоотношения двух стран были отмечены произведениями русских камнерезов. Такие предметы не раз становились официальными дарами правителям или личной благодарностью выдающимся деятелям культуры, науки и бизнеса.

Хорошо известен пример малахитовых предметов, поднесенных Александром I французскому императору Наполеону I по случаю подписания Тильзитского договора [1, с. 17–19] в 1808 г. Затянувшийся период напряженности в отношениях Парижа и Санкт-Петербурга завершился в 1880–х гг., что было ознаменовано в начале следующего десятилетия целым рядом ярких событий. Каждое из них стало поводом для новых каменных подарков: обменные визиты русских и французских моряков в 1891–1893 гг. были отмечены роскошной вазой, направленной в Париж [1, с. 33–34]. В качестве благодарности за поднесенное французским ювелиром императрице Марии Федоровне во время посещения Французской выставки в Москве в 1891 году пасхальное яйцо с бриллиантовой брошью через года в Париж был отправлен резной чернильный прибор [1, с. 29–31]. Любопытна также история малахитовой вазы, выполненной в московском отделении фирмы Фаберже по заказу городской Думы и отправленной в качестве ответного дара в Лион [2].

Восшествие на престол нового русского императора лишь укрепило принятый ранее курс на сближение двух держав. Так, уже первые его годы ознаменовались обменными визитами глав государств, к каждому из которых были приурочены торжественные закладки новых мостов в столицах: через Сену в Париже (1896, мост Александра III) и через Неву в Санкт-Петербурге (1897, Троицкий мост).

В этой атмосфере активно демонстрируемых всему миру дружеских настроений началась подготовка к участию России в очередной Всемирной выставке 1900 г., местом проведения которой был выбран Париж.

К этому времени сложилась полувековая традиция участия в выставках такого уровня старейших камнерезных предприятий России, находившихся под управлением императорского Кабинета. Привычным был и лишь незначительно менявшийся набор экспонатов: вазы и канделябры из каменных монолитов, мозаичные столешницы и мебельные вставки, принадлежности для туалетного и письменного столов. Именно таков был состав экспонатов, представленных императорскими камнерезами, на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. [4].

Однако подготовка к новому смотру вдохновила на поиск новых, ранее не создававшихся форм, что совпало с высказанным желанием продемонстрировать уникальный предмет. Так было положено создание не имеющей аналогов наборной Карты Франции [подробно история этого предмета изложена в: 12].

В мемуарах (написанных через 19 лет после завершения работы над картой, отделенных от времени ее создания Мировой войной и революцией) В.В. Мостовеко, директор Екатеринбургской гранильной фабрики в 1885–1911 годах, пишет, что летом 1897 г. на вопрос об экспонатах фабрики для выставки, он ответил управляющему Кабинетом что, поскольку «вазы и все подобные изделия уже набили оскомину», предлагается к парижской выставке 1900 г. «сделать из разных камней карту». Можно предположить, что эта идея стала результатом знакомства, во время поездки 1878 г. в Париж, с демонстрировавшийся в то время в Лувре столешницей с мозаичной картой Европы. Это произведение было создано для Людовика XIV в королевской мастерской в 1684 году.

Решение о создании на Екатеринбургской гранильной фабрике карты Франции было зафиксировано в конце августа 1897 г., к концу этого года из Петербурга прислали экземпляры карт для разработки цветовой гаммы и подбора материалов.

Работы с камнем начались в 1898 г., первоначально к распиловке фанеры из разных пород камня привлекались от 11 до 43 человек ежемесячно [Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 575, 576]. С началом тонкой подгонки количество мастеров сократилось до 5–6. Итогом их работы стало необыкновенное мозаичное полотно, набранное на мраморной доске с эффектом рельефного выделения суши и границ департаментов. Большая часть составляющих территорию Франции деталей (85%) выполнена из разнообразных уральских яшм, дополненных агатом, письменным гранитом, кахолонгом, шайтанским переливтом, родонитом, таганайским авантюрином, нефритом, льдистым кварцем, серым гранитом и молочным кварцем.

Сопредельные государства обозначены пластинами серо-зеленой калканской яшмы, подобранных в разных оттенках. О том, что это произведение имело не только художественное значение,

красноречиво свидетельствует следующее обстоятельство: при изображении германской территории (вероятно, с ведома Кабинета) была допущена комплиментарная по отношению к Франции «ошибка»: образованная из аннексированных Германией в 1871 г. французских департаментов «Имперская земля Эльзас-Лотарингия» была выполнена из пластины чуть иного тона и отделена от остальной территории Германии фасками. Таким образом, несмотря на наличие на ней букв A и G, входящих в состав слова «ALLEMAGNE» (Германия), они как бы занимали промежуточное положение. Впрочем, эта полумера вызвала лишь нарекания как со стороны французов (упрекавших за то, что департаменты не обозначены как французские), так и со стороны немецких гостей выставки (считавших подобное выделение неправомерным).

Драгоценное убранство карты, состоящее из нескольких десятков золотых надписей разного размера (названия городов, рек, стран, морей, океанов, проливов), 105 ограненных и оправленных в золото самоцветов, отмечающих города (12 из них являются уникальными минералогическими образцами), а также несколько метров платиновых рек (материал для которых предоставила сама фабрика) было выполнено на одном из крупнейших частных предприятий Екатеринбурга. Ювелирная мастерская Василия Ивановича Липина была широко известна как разнообразием ассортимента, так и качеством и широтой выбора уральских самоцветов [5].

Рама карты вырезана из николаевской (шалимовской) серой с рисунком яшмы. Соединение багетов на углах перекрывали четыре серебряных листа, ныне утраченных. Таким образом, все работы над каменной картой уложились в срок со 2 января 1898 г. до 18 февраля 1900 г., когда произведение было отправлено в Петербург. Здесь к нему присоединилась монументальная дубовая витрина, специально заказанная известному московскому фабриканту мебели П. А. Шмиту.

Ко времени доставки экспоната в Париж, решение о ее поднесении в дар Французской Республике уже было принято, поэтому место для вручения карты было выбрано с учетом символического значения этого жеста. Несмотря на отведенное для демонстрации

предмета место в Русском отделе в *Palais des industries diverses*, где экспонировали свои работы создатели предметов роскоши со всей Европы, первоначально карту установили на импровизированном мольберте, окруженном шкурами белых медведей в центральном зале Сибирского (Русской Азии) павильона. Это масштабное сооружение, воспроизводившее архитектурные мотивы русских кремлей, занимало самую большую площадь среди других национальных павильонов. Здесь 18 апреля 1900 г. состоялась торжественная передача карты, в ходе которой президент Французской Республики, г-н Эмиль Лубе отметил, что «этот подарок является новой демонстрацией связей, которые объединяют две страны» и добавил, что после того, как карта будет выставлена перед восхищенными взорами посетителей выставки, она будет помещена в Лувр. В тот же день карта была перенесена в предназначавшуюся ей витрину во дворце на эспланаде Инвалидов.

Во Франции подарок российского императора вызвал живой отклик: восхищала как сама карта, так и ее стоимость. Подготовка полученного произведения к публичной демонстрации в стенах музея потребовала несколько месяцев. Только в апреле 1901 г. в газете «Искусство для всех» была помещена информация о том, что «теперь можно видеть в музее Лувр карту Франции из драгоценных камней, подаренную нашей стране российским правительством... Она помещена под стекло на массивной подставке из резного дуба, в центре зала, где доминирует портрет Людовика XIII». Таким образом, витрина была доработана: с целью обеспечить сохранность разрекламированным драгоценным камням городов и платиновым рекам вокруг яшмовой рамы была врезана стальная со стеклянной створкой. Любопытно, что местом экспонирования карты вероятнее всего стала Галерея Аполлона, где в это время находился упомянутый ранее стол с мозаичной картой, а также целый ряд других камнерезных шедевров европейских мастеров.

Несмотря на техническое совершенство исполнения и драгоценный материал, карта не соответствовала концепции Лувра, сложившейся в первой трети XX в., прежде всего — хронологическим рамкам собрания. Вероятно, на волне реорганизации музейной сети Лувра, во второй четверти XX в. включившей в себя с приданием

им статуса отделов некоторые близлежащие замки, екатеринбургская карта Франции переместилась в замок Компьень, где она была внесена в инвентарь в 1939 г. Выбор нового места для ее экспонирования также не был случайным: помимо хронологического соответствия (Компьень виделся создателям музейной сети местом для демонстрации памятников эпохи Наполеона III и второй половины XIX в.), очевиден и «русский след» — на несколько сентябрьских дней 1901 г. этот замок стал резиденцией российской императорской четы, Николая II и Александры Федоровны.

Цепь событий, важным звеном которых стало заключение военного союза России и Франции, привела к одному из самых масштабных вооруженных конфликтов и падению российской монархии. Революционные события и гражданская война нанесли большой урон камнерезному делу: Екатеринбургскую фабрику готовили к распродаже имущества, мастера переквалифицировались либо покидали страну.

Однако уже с начала 1920-х гг. возрождается интерес к работе камнерезов и огранщиков как поставщиков экспортного сырья и подарков значимым персонам как внутри, так и за пределами страны. Возрождается включенный в 1922 г. в состав национального треста «Русские самоцветы» Свердловский завод — прямой преемник императорской гранильной фабрики (оттого регулярно именовавшийся в разных изданиях «Свердловской гранильной фабрикой»). Растет число артелей, появляется горочная и коллекционная мастерская при музее Уральского Общества Любителей Естествознания (УОЛЕ). Восстанавливается и опыт участия уральских камнерезов в крупных смотрах, среди которых Первая сельскохозяйственная выставка в Москве (1923, предтеча ВДНХ) и парижская Международная выставка декоративного искусства и современной промышленности (1925) [подробнее см.: 3].

Произошедшее в 1930-х гг. изменение идеологической программы с усилением русоцентризма, обращением к истории как пропагандистскому ресурсу [11] особенно ярко оформилось в эстетической программе подготовки к 20-й годовщине Октябрьской революции. Соревнование с достижениями прошлого выражалось в инициации и реализации самых фантаσμαгоричных

проектов. В реализацию нескольких были вовлечены уральские камнерезы.

Так, одним из ярких проявлений борьбы с прошлым стала замена орлов на башнях Московского Кремля на пятиконечные звезды, особенностью которой стала чрезвычайная скорость разработки и реализации проекта: принятое в августе 1935 г. решение надлежало реализовать к 7 ноября того же года. Латунные звезды должны были украшать ограненные самоцветы, заказ на их изготовление свердловская фабрика выполнила в рекордные сроки: более 1000 крупных камней (вес после огранки достигал 100 граммов) за три недели. Это сверкающее великолепие заменило на башнях обветшавшие символы прежнего режима. Правда, расчеты на яркий блеск не оправдались: разного рода загрязнения привели звезды в негодность, и уже спустя два года их заменили на привычные нам конструкции из рубинового стекла.

С немалым размахом в ноябре 1935 г. был задуман еще один «ответ» прошлому. Как сообщала газета «Уральский рабочий» [7], на Свердловскую гранильную фабрику поступил запрос от комитета по организации выставки «Индустрия социализма» (запланированной к празднованию 20-летия Октября в ноябре 1937 г.) о высылке подробных материалов, относящихся к истории «знаменитой карты Франции». Этот запрос призван был помочь в точном определении срока, необходимого для изготовления задуманной к выставке карты тяжелой промышленности Советского Союза, а также выбора материалов. Одним из информаторов стал участвовавший в создании карты Франции и продолжавший работать на фабрике Татауров. На основании предоставленных сведений специалисты пришли к заключению, что новая карта может быть исполнена к открытию выставки — менее чем за два года. Вероятно, иного ответа в существовавшей в то время ситуации и не могло быть.

Следующие месяцы были посвящены решению технических и организационных задач, и лишь весной 1936 г., когда оставалось лишь около полутора лет до предполагаемого открытия выставки, к работе приступили камнерезы. Примерно в это же время было принято еще одно решение: СССР получает и принимает приглашение к участию в Международной выставке «Искусства и техника

в современном мире», которая должна была открыться в Париже 25 мая 1937 г. Карту было решено представить публике на этой выставке: здесь, рядом с «имперской» картой 1900 г., возможности «свободного труда советского человека» не могли не произвести особенно сильное впечатление.

Таким образом, у мастеров оставался всего год на создание невероятного масштаба мозаичного набора: на площади в 26 м² предстояло передать физический рельеф территории СССР, на фоне которого расположить названия городов и особыми обозначениями показать предприятия разных отраслей советской промышленности.

Неудивительно, что такая задача потребовала полной мобилизации мощностей треста «Русские самоцветы». На головное ленинградское предприятие из Свердловска были отправлены 20 лучших мастеров, среди которых — братья Николай и Георгий Татауровы, Александр Подкорытов, Александр Семенов, принимавшие участие в создании карты Франции в 1900 г. [10, с. 6–7.]. Объемы привлеченных рабочих и выполненного ими задания в памятке для экскурсоводов павильона на выставке звучали следующим образом: «250 ювелиров, камнерезов, географов и инженеров участвовали в ее создании. Она состоит из 100 000 кусочков мозаики и оформлена 8000 драгоценных и полудрагоценных камней» [Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9499. Оп. 1. Д. 4. Л. 49]. Спустя два года, в описании открывшейся в Москве выставки «Индустрия социализма», приводятся уже другие сведения: в сооружении карты участвовало 667 человек, мозаика и ювелирные работы выполнены на предприятиях треста «Русские самоцветы» (Ленинградском заводе по обработке камней самоцветов, Петергофском заводе точных технических камней, Свердловской гранительной фабрике) [6, с. 14].

О продвижении работ над картой своих читателей регулярно информировала газета «Уральский рабочий», что неудивительно — Свердловская фабрика принимала деятельное участие в работе над проектом. Не только отправленные в Ленинград мастера, но и весь коллектив предприятия продолжал усиленно работать: к карте 1937 г. надлежало поставить 3685 ограненных камней для

обозначения разных объектов промышленности (альмандинов, топазов, аметистов, горного хрусталя, аквамаринов, разной формы рубинов) [9].

К открытию Советского павильона 25 мая 1937 г. карта была смонтирована в первом зале, посвященном конституции СССР. Не только огромная, напоминающая о существенно более скромных размерах императорского подарка, карта индустриализации и масштабные полотна Ю. Пименова напоминали о предыдущих участиях страны в выставках. Знаком имперской преемственности была стела из красного порфира (описанная как «obelisk» во французском комментарии к павильону [ГАРФ. Ф. 9499. Оп. 1. Д. 4. Л. 48]) с высеченным на ней текстом конституции.

Не обошлось без курьезов: в отчетах о работе павильона было отмечено, что присутствие в зале трактора ЧТЗ и автомобиля ЗИМ 101 приводило к тому, что «зритель, пройдя весь павильон, спрашивает у стендистов 5-го зала, где карта самоцветов (которая находится в первом зале)» [ГАРФ. Ф. 9499. Оп. 1. Д. 4. Л. 6]. Впрочем, из отчета в отчет подчеркивается интерес публики к карте.

Свидетельством этого внимания является и достаточно подробное описание карты в Официальном отчете выставки. Его составитель, генеральный комиссар Эдмон Лаббе отмечал, что «гигантская карта СССР более 20 квадратных метров, составленная исключительно из драгоценных и полудрагоценных камней, позволяла посетителям легко представить себе географическую и экономическую структуру Союза, и являлась, несомненно, благодаря своей оригинальности, художественным качествам и богатству использованных материалов, одним из «гвоздей» павильона, если не всей выставки» [14, р. 146].

По итогам выставки карта была отмечена Гран-при (как работа трех предприятий-экспонентов, входящих в трест «Русские самоцветы»), руководители проекта были награждены Почетными дипломами и Золотыми медалями выставки [13, р. 67–69]. Мастера, принимавшие участие в создании карты, получили Памятные дипломы.

В ожидании завершения строительства Дворца Советов, в холле которого планировали разместить это произведение

русских камнерезов и ювелиров, карта отправилась в следующее путешествие — на Всемирную выставку в Нью-Йорке летом 1939 г. С этого же времени начались модификации карты: для того, чтобы нанести на нее путь дрейфующей Полярной станции, мозаичное полотно надставили, а изменение внешнеполитической ситуации заставило убрать с карты часть стратегически важных объектов.

После Великой Отечественной войны карта (во вновь обновленном виде с изменившимися границами и числом союзных республик) демонстрировалась в Георгиевском зале Государственного Эрмитажа. В 1987 г. она была передана в Центральный научно-исследовательский геологоразведочный музей имени академика Ф. Н. Чернышева (Санкт-Петербург), сотрудники которого проделали масштабную работу по изучению истории этого выдающегося произведения [8]. В 2008–2013 гг. силами «Царскосельской янтарной мастерской» была выполнена масштабная реставрация памятника, во время которой рассыпающаяся мозаика была перенесена на мраморное основание, а вся сохранившаяся нагрузка была возвращена на свои места.

История создания и экспонирования двух нетипичных произведений русских камнерезов не имеет аналогов: обе карты были созданы в качестве политических заявлений, облеченных в неожиданную визуальную форму и предназначенных использовать масштабные трибуны Всемирных выставок. Сам выбор формы карты для каменной мозаики открывал широкие возможности для прокламации, будь то поддержка Франции перед лицом мощного соседа (вспомним про обособленные Эльзас и Лотарингию) или поражающая воображение своим масштабом декларация превосходства социализма. Важным аспектом представляется и своеобразный «диалог с предшественником», особенно явный в случае карт 1900 и 1937 гг. Призванные восхищать мастерством художественной работы и роскошью использованных материалов, эти памятники внесли свою лепту в формирование образа представившей их страны в умах максимально широкой публики.

Список литературы

1. Бударина Л. А. Малахитовая дипломатия. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. 208 с.
2. Бударина Л. А. Малахитовая ваза работы московского отделения фирмы К. Фаберже: случай, история, вкус // Атрибуция предмета: интуиция, опыт, документ: сборник научных статей XXVII царскосельской конференции / Государственный музей-заповедник «Царское Село». СПб.: Русская коллекция, 2021. С. 118–125.
3. Бударина Л. А. Наследники Школы: академические традиции в творчестве уральских камнерезов 1920–1930-х годов // Третьи казанские искусствоведческие чтения: материалы Всероссийской науч.-практ. Конференции. К 110-летию со дня рождения С. С. Ахуна. Казань, 11–13 декабря 2013 г. Казань: Центр инновационных технологий, 2014. С. 71–76, 189–190.
4. Бударина Л. А. Резной камень Русского отдела Колумбовой выставки 1893 г.: реконструкция коллекции // Уральский исторический вестник № 2 (71), 2021. С. 17–24.
5. Бударина Л. А. Ювелирная мастерская В. И. Липина в Екатеринбурге: забытое наследие уральских ювелиров // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 106–118.
6. Всесоюзная художественная выставка «Индустрия социализма». Каталог выставки. Москва, Ленинград: Государственное издательство «Искусство», 1939. 135 с.
7. Карта из уральских самоцветов. // Уральский рабочий. 1935. 11 ноября. С. 2.
8. Мозаичное панно «Индустрия социализма». URL: http://vsegei.com/ru/about/museum/museum-show/mosaic_map/index.php (дата обращения: 14.11.2021)
9. Работа над «Картой индустриализации» // Уральский рабочий. 1937. 18 февраля. С. 1.
10. Ратушный П. Счастливые камни. Рассказы гранильщиков и камнерезов. Челябинск: Челябинское областное издательство, 1937. 208 с.
11. Тихонов В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112. URL: <http://gefter.ru/archive/21275> (дата обращения: 12.11.2021)
12. Budrina L. Un précieux cadeau de la Russie. La carte de France de la collection du château de Compiègne // La revue des musées de France. 2018. № 1. 2018. P. 62–71.

13. Liste des récompenses décernées par le jury international. Ministère du commerce, Exposition internationale de Paris, 1937, arts et techniques dans la vie moderne. Paris: Impr. des Journaux officiels, 1939. 180 p.
14. Ministère du commerce et de l'industrie. Exposition internationale des arts et techniques dans la vie moderne. Rapport général présenté par M. Edmond Labbé. T. 10. Les Sections étrangères. Paris: Imprimerie nationale, 1940. 240 p.

Budrina Ludmila,

PhD Art History, UrFU, associate professor of chair of History of Art and Museology, Ekaterinburg

CURBED STONE IN THE FRANCO-RUSSIAN RELATIONSHIPS: THE HISTORY IN TWO MAPS

Two related pieces, produced by Russian stone curving artists, marks the important stages in the Franco-Russian and Franco-Soviet relationships. First, the map of France, was created by the artisans of the imperial Ekaterinburg lapidary factory in 1898–1900. It became the gift to French Republic, presented in the opening ceremony of the Paris World Exhibition of 1900. Realized on the period of intensive friendship between two countries, the map was an apotheose of the large wave of the stone's gift send to France in the second half of 1880s-1890s. the choice of the form of gift, and the particular attention of the imperial family to the execution, proved the importance of this precious gift. New stage of relationship, related to the pietra dura, date the second half of 1930s and related to the next World Exhibition in Paris in 1937. One of the most attractive exhibits of the USSR pavilion was a map of Industrialization (executed by the factories of the newly established trust "Russian gems" (Russkie samotcvety). This piece was invented as a sort of the rival to the map of France, the imperial gift. The speed of execution, the size, the number of precious materials used — everything was intended to fulfill the effectiveness of the Soviet state. Two map was realized as the representation of the richness and artistic capacity of Russia and URSS, and had not only artistic pr historical, but also political significance. An analysis of the specificities of the political statement expressed in each of the works, as well as a kind of dialogue between them, summarize the article.

Keywords: map of France, map of Industrialization of URSS, stone curving art (pietra dura), imperial Ekaterinburg lapidary factory, Sverdlovsk lapidary factory "Russian gems (Russkie samotcvety) "